

ЗВЕРИ

Источник: Пантелеймон Романов; Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

На маленькой станции вторые сутки толпы людей ждали поезда и не могли сесть: вагоны шли переполненные солдатами с фронта.

Какой-то пожилой человек в чуйке и молодой солдат с завязанной в грязную тряпку рукой совсем было сели, но их почти на ходу выпихнули из переполненного товарного вагона.

-- Братцы, ради Христа, вторые сутки ждем,-- говорили они, стоя с мешками у вагонов.

-- Некуда. Нешто не видишь, черт! Тут человек на человеке сидит. В тот конец идите,-- крикнул им солдат в расстегнутой овчинной куртке и задвинул дверь вагона.

-- Ах ты, головушка горькая,-- сказал растерянно человек в чуйке,-- что ж теперь делать-то. Хоть с голоду подыхай и замерзай тут.-- И он, стоя с мешками, посмотрел в дальний конец поезда.

-- Вот звери-то, прямо креста на шее нет,-- сказала приставшая к ним старушка с узлом и в шубенке с рыжим вытершимся воротником.

-- Черт их возьми совсем, еще руку больную разбередили,-- сказал молодой солдат, перетягивая зубами повязку.-- Они себе сели, хорошо им, больше ничего и не надо.

Человек в чуйке молчал и, уныло моргая, смотрел в прежнем направлении. Иногда он делал движение бежать опять проситься, когда дверь какого-нибудь вагона открывалась, но сейчас же останавливался, видя, что там полно.

-- Совсем озверел народ,-- сказала старушка,-- бывало, видят, что старая, еще иной раз помогут, а сейчас толкают в грудь со ступенек, давеча чуть навзничь не полетела.

-- Бога забыли,-- сказал человек в чуйке.-- Пойдемте к сторожу, может, погреться пустят, на вокзал и не пробьешься.

Часа через два загудел вдаль паровоз, и человек в чуйке с солдатом и не отстававшей от них старушкой выбежали на платформу.

Молодой солдат, увидев в конце поезда почти пустой вагон и забежав с другой стороны, вскочил. За ним вскочил человек в чуйке, покидав в вагон на ходу свои мешки. Потом втащили туда же за руки и старушку с узлом. Со стороны станции, где было много народа, слышался крик многих голосов, ругательства, торопливая беготня по скрипучим от мороза доскам платформы и хриплые голоса перемерзших людей, ломившихся в двери вагонов.

-- О, просторно-то как! -- крикнул молодой солдат.

-- Не кричи, а то услышат и сюда набьются,-- сказал человек в чуйке. Он торопливо налегнул плечом и задвинул тяжелую дверь вагона. В вагоне стало совсем темно.

Мимо суетливо, растерянно пробежали какие-то люди, потом вновь возвращались назад, очевидно, тщетно ища места.

-- Слава богу, хоть сюда не лезут,-- сказал молодой солдат.

Вдруг кто-то снаружи ухватился за скобку и стал налегать на дверь.

-- Не лезьте сюда, тут битком набито, человек на человеке сидит,-- крикнул человек в чуйке.

-- Голубчик, Христа ради, третьи сутки никак не сяду. Нас двое тут с ребеночком.

-- Нету. Русским языком тебе говорят... Их, чертей, пусти, а за ними еще полсотни прибежит.

-- Да еще высадят из-за них.

Голоса за дверью стихли. Поезд тронулся.

-- Слава тебе господи,-- сказала старушка, перекрестившись в темноте,-- помогла матушка царица небесная. Я все богородицу читала.

-- На тормоз, знать, прицепились,-- сказал молодой солдат, прислушиваясь.-- Прoberет их здорово, мороз хороший.

-- Спаси, царица небесная,-- и так народа мерзнет тьма.

Несколько времени за стеной было молчание, только слышался детский плач. Потом в стену с тормозной площадки постучали и послышался голос:

-- Пустите Христа ради, замерзнем тут. Сейчас на станции поезд остановится.

-- Поезд-то остановится, а там опять небось целая туча народу,-- сказал тихо человек в чуйке. И